

УДК 37:27(470.41-25)

DOI: 10.30914/2411-3522-2025-11-1-35-44

СОВРЕМЕННОКИ О БЫТОВЫХ УСЛОВИЯХ ЖИЗНИ ТАТАРСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЯ КАЮМА НАСЫРИ

И. К. Загидуллин

Центр исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу воспоминаний современников о Каюме Насыри, в которых повествуется об условиях быта татарского просветителя в конце 1870-х – 1902 гг. Основными историческими методами исследования являются сравнительно-исторический и источниковедческий синтез. Источниковой базой исследования стали документы, отложившиеся в архиве просветителя, и воспоминания современников о К. Насыри. Большинство воспоминаний относятся к середине 1890-х – 1902 гг., когда просветителем преклонного возраста стала интересоваться татарская учащаяся молодежь. В конце 1870-х гг. Насыри представляется вполне респектабельным мужчиной, следивший за своим внешним видом, носящим дорогую одежду, в которой перемешались европейский и традиционный стили и пошивы, летом передвигавшимся по улицам Казани на европейский манер с зонтиком в руках; личностью, очень дорожившим своим временем и старавшемся не отвлекаться на бытовые проблемы и повседневную суету; ученым кабинетного типа, не стремившимся к активному общению и даже избегавшим общественных мероприятий мусульман Татарских слобод города. В воспоминаниях современников середины 1890-х гг. зафиксированы разительные перемены в одежде Насыри. Вследствие холостяцкого образа жизни и постоянной занятости Насыри недостаточно уделял внимание своему внешнему облику. Мемуары зафиксировали такие черты характера просветителя, как неприхотливость в быту и самоограничение в контактах с внешним миром, приверженность своему делу. Мемуары современников, относящиеся к последнему десятилетию жизни просветителя, сформировали стереотипы о Насыри как о личности, постоянно страдавшей от безденежья, жившей в стесненных условиях и в изоляции. В статье раскрываются причины такого однобокого представления о бытовых условиях и образе жизни татарского просветителя.

Ключевые слова: Каюм Насыри, татарское просветительство, городской быт, мемуары

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Загидуллин И. К. Современники о бытовых условиях жизни татарского просветителя Каюма Насыри // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2025. Т. 11. № 1. С. 35–44. DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2025-11-1-35-44>

CONTEMPORARIES ABOUT THE LIVING CONDITIONS OF THE TATAR ENLIGHTENER KAYUM NASYRI

I. K. Zagidullin

Center for Islamic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the memoirs of contemporaries about Kayum Nasyri, which narrates the living conditions of the Tatar enlightener in the late 1870s – 1902. The main historical research methods are comparative historical and source synthesis. The research was based on documents deposited in the enlightener's archive and the memoirs of his contemporaries about K. Fill up. Only three memoirs describing his life in the 1870s and early 1880s have been preserved. Most of his memoirs date back to the mid-1890s and 1902, when Tatar students became interested in the enlightener of advanced age. In the late 1870s. Nasyri appears to be a completely respectable man who took care of his appearance, wearing expensive clothes in which European and traditional styles and tailoring were mixed, moving through the streets of Kazan in the summer in a European manner with an umbrella in his hands; a person who valued his time very much and tried not to be distracted by everyday problems and everyday fuss; a cabinet-type scientist, he did not seek active communication and even avoided social events of Muslims in the Tatar suburbs of the city. In the memoirs of contemporaries of the mid-1890s, dramatic changes in Nasyri's clothes were recorded. Due to his bachelor lifestyle and constant employment, Nasyri did not pay enough attention to his appearance. The memoirs recorded

such traits of the Enlightener's character as unpretentiousness in everyday life and self-restraint in contacts with the outside world, commitment to his work. The memoirs of contemporaries, relating to the last decade of the enlightener's life, formed stereotypes about Nasyri as a person who constantly suffered from lack of money, lived in cramped conditions and in isolation. The article reveals the reasons for such a one-sided view of the living conditions and lifestyle of the Tatar educator.

Keywords: Kayum Nasyri, Tatar enlightenment, urban life, memoirs.

The author declares no conflict of interest.

For citation: Zagidullin I. K. Contemporaries about the living conditions of the Tatar enlightener Kayum Nasyri. *Vestnik of the Mari State University. Chapter "History. Law"*. 2025, vol. 11, no. 1, pp. 35–44. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2025-11-1-35-44>

Введение

Передовая татарская общественность обратила пристальное внимание на личность просветителя Каюма Насыри (1825–1902) лишь спустя 10 лет после его кончины, когда народный язык, за который ратовал просветитель, стал занимать достойное место в печатном слове и этноконфессиональной школе.

Редактор журнала «Шура» («Совет») Р. Фахретдин инициировал публикацию серии материалов о Насыри: в этом периодическом издании в 1912–1913 гг. увидели свет 12 воспоминаний его современников, в большинстве случаях – бывших шакирдов медресе.

Первая попытка профессионального исследования творчества К. Насыри происходит в 1917 году. Группа представителей национальной творческой интеллигенции привезла из родной деревни Малые (Верхние) Ширданы в Казань архив Насыри, который в тот момент хранился у муллы Нургали, женатого на бывшей супруге умершего имама Габделькавия, младшего брата просветителя. Написание биографии Насыри данной творческой группой было поручено Джамалу Валиди. Однако события, развернувшиеся в крае после Октябрьской революции, Гражданская война и другие обстоятельства не позволили Валиди исполнить поручение товарищей, хотя он привез архив Насыри для написания его биографии в родную деревню Апазово тогдашнего Тетюшского кантона.

Начиная с 1919 г. сбором материалов о жизненном пути просветителя занимался Шахретдин Шараф (1877–1938). По просьбе Шарафа в 1921 г. Дж. Валиди привез архив Насыри в Казань и передал ему часть материалов, среди которых значились: письма просветителя, адресо-

ванные родственникам и современникам; письма, адресованные Каюму; различные документы и переводы этих документов; черновые и чистовые тексты его произведений; переписанные тексты, различные разрозненные бумаги и т. д.

20-летие со дня кончины К. Насыри стало отправной точкой для масштабных, республиканского уровня, мероприятий по популяризации его наследия и общественной деятельности. В 1922 году литературовед Г. Рахим опубликовал две статьи о жизненном пути татарского просветителя, которые следует рассматривать как части единого исследования¹. Это опубликованное в 1922 г. в сборнике статей «Каюм Насыри мәжмугасы» исследование Г. Рахима на татарском языке «Биография Каюма Насыри» и новая статья «Дополнение к биографии Каюма Насыри», увидевшая свет в том же году в журнале «Безнең юл» («Наш путь»)².

Им были использованы вышеприведенная часть архива Насыри и другие материалы, любезно предоставленные ему Ш. Шарафом, а также воспоминания Бадиг муадзина Хусаинова, двоюродного брата (сын младшего брата отца Каюма – Мухаммадгалима), в доме которого он проживал в 1899–1902 гг., и сына Юсуфа Апанова Габдуллы, обучавшегося у Насыри³.

¹ Рәхим Г. Каюм Насыринның тәржемәи хәле // Рухи мирас: эзләнүләр һәм табышлар = Духовное наследие: поиски и открытия / редкол.: И. Г. Гомәров (проект жит. һәм жавап. мөх.), З. З. Рәмиев, А. М. Ахунов; төзүчеләр: Л. Ш. Гарипова, Г. М. Ханнанова. Казан: ТӘҺСИ, 2020. Б. 42–81.

² Рәхим Г. Насыринның тәржемәи хәленә гыйләвә // Рухи мирас: эзләнүләр һәм табышлар = Духовное наследие: поиски и открытия / редкол.: И. Г. Гомәров (проект жит. һәм жавап. мөх.), З. З. Рәмиев, А. М. Ахунов; төзүчеләр: Л. Ш. Гарипова, Г. М. Ханнанова. Казан: ТӘҺСИ, 2020. Б. 81–88.

³ Там же. Б. 83–84.

Г. Рахим охарактеризовал 1870–1880-е гг. как не совсем благополучный в материальном отношении период биографии К. Насыри¹, указав, что в конце жизни он завещал средства на строительство мечети и школы в родной деревне, подразумевая под этим фактом улучшение его условий жизни в 1890-е гг. [1, с. 86].

Игнорирование данного труда советскими исследователями второй половины XX в. объясняется рядом обстоятельств, которые наложились друг на друга.

Как известно, после перехода в 1927 г. с арабского алфавита на латиницу, затем, в 1939 г., с латиницы на кириллицу произошла резкая потеря письменных традиций начала XX в.

С этим было связано в определенной мере запоздалое возвращение наследия выдающихся личностей татарской гуманитарной науки начала XX в. Лишь в 1996 г. в 3-м выпуске научного альманаха под названием «Әдәби мирас» («Литературное наследие») литературоведом Ф. Ибрагимовой были размещены на кириллице тексты ранее опубликованных в 1912–1913 гг. в журнале «Шура» («Совет») воспоминания 6 современников Насыри².

В 2017 году составитель литературно-художественного и документально-биографического сборника «Каюм Насыри» доктор филологических наук Р. Исламов ввел в научный оборот воспоминания (рукопись) Вафы Бахтиярова, впервые на кириллице опубликовал: статью Р. Фахретдина о Насыри 1912 г., воспоминания Сулеймана Аитова, Ахмадхади Максуди, Мухамматназиба Кустрамави, размещенные в журнале «Шура» за 1912–1913 гг., и ранее изданные Ф. Ибрагимовой воспоминания на кириллице по первоисточникам. Всего в книге размещены воспоминания 23 современников просветителя.

Во второй половине XX в. исследователями многогранного творчества К. Насыри являлись, главным образом, филологи-литературоведы, которые обращали основное внимание на возвращение рукописного наследия великого татар-

ского просветителя. В 1945–1970-е годы главным исследователем деятельности Насыри был известный татарский литературовед М. Х. Гайнуллин (1903–1985). Он является автором очерков о жизни и творчестве К. Насыри, изданных к 120-летию [2] и 150-летию со дня рождения просветителя [3], монографии [4] и статей [5; 6].

Еще одним важным моментом представляются советские традиции в оценке джадидизма, который в 1950–1970-е гг. характеризовался историками как буржуазное течение, лидеры которого проповедовали панисламизм и пантюркизм [7, с. 163]. Между тем свои воспоминания о Насыри оставили эти самые джадиды.

В 1931 и 1932 году Г. Рахим (1892–1943) дважды подвергся репрессиям, что привело к максимальному дистанцированию советских гуманитариев от исследований ученого, написавшего фундаментальный труд о Насыри. Реабилитация несправедливо осужденного Г. Рахима произошла в 1958 г., однако разрыв между историографиями о Насыри 1920-х гг. и 1940–1980 гг. сохранялся.

Статьи Г. Рахима 1922 г. были впервые опубликованы на кириллице в 9-м выпуске книги Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ из серии «Рухи мирас: эзләнүләр һәм табышлар = Духовное наследие: поиски и открытия»³.

Наконец, в советский период отсутствовало такое научное направление по исследованию микроисторий и повседневности, которое сегодня является очень популярным среди современных ученых-гуманитариев.

Вследствие того что большинство воспоминаний относятся к последнему десятилетию или последним годам жизни просветителя, когда его личностью стала интересоваться татарская учащаяся молодежь, формируются стереотипы о Насыри как личности, постоянно страдавшей от безденежья и жившей в изоляции.

¹ Рәхим Г. Каюм Насырийның тәржемәи хәле // Рухи мирас: эзләнүләр һәм табышлар = Духовное наследие: поиски и открытия / редкол.: И. Г. Гомәров (проект жит. һәм жавап. мөх.), З. З. Рәмиев, А. М. Ахунов; төзүчеләр: Л. Ш. Гарипова, Г. М. Ханнанова. Казан: ТӘҺСИ, 2020. Б. 50.

² Каюм Насырий турында хатирәләр // Әдәби мирас: [альманах / төз.-мөхәрр. Галимжан Гыйльман]. Кит. 3. Казан, 1996. Б. 58–75.

³ Рәхим Г. Каюм Насырийның тәржемәи хәле // Рухи мирас: эзләнүләр һәм табышлар = Духовное наследие: поиски и открытия / редкол.: И. Г. Гомәров (проект жит. һәм жавап. мөх.), З. З. Рәмиев, А. М. Ахунов; төзүчеләр: Л. Ш. Гарипова, Г. М. Ханнанова. Казан: ТӘҺСИ, 2020. Б. 81–88.

Целью статьи является реконструкция условий жизни татарского просветителя Каюма Насыри в конце 1870-х – 1890-е гг. на основе комплексного и критического исследования источников.

Материалы и методы

Основными историческими методами исследования являются сравнительно-исторический и источниковедческий синтез. Источниковой базой исследования стали воспоминания современников о К. Насыри и документы, отложившиеся в его архиве, а также историческая литература по теме исследования.

Результаты исследования

Многогранная деятельность татарского просветителя Каюма Насыри (1825–1902), уроженца д. Малые (Верхние) Ширданы Свияжского уезда Казанской губернии связана с губернской Казанью, где он в 1844–1855 гг. обучался в медресе, в 1855–1870 гг. работал учителем-практикантом татарского языка в казанских православных духовных учебных заведениях [8], в 1871–1877 гг. трудился учителем в начальной русско-татарской школе.

После ухода из русско-татарского училища К. Насыри пришлось искать новые источники для существования. Он, скорее всего, занимался по заказу клиентов Татарских слобод переводом документов с татарского на русский язык и составлением за них текстов прошений, а также давал частные уроки в своей арендованной квартире. К. Насыри сам распоряжался своим временем, ни перед кем не имел обязательств и полностью посвятил себя просветительской работе, опубликовал серию учебников, научно-популярные труды.

Насыри несколько раз менял местожительство. Первоначально он арендовал жилье на Тихвинской улице (совр. ул. Тукая). Известно, что в 1885 г. он жил в доме, принадлежащем купцу 2-й гильдии Гайсе Мусину (1816–1887) и расположенном на переулке Белой мечети, на Поперечно-Сенной улице, через несколько домов от богослужебного здания. После пожара в 1885 г. в этом доме, где в огне погибли все собранные им материалы и написанные за последние 10 лет рукописи, труды и черновики, просветитель оказался в глубоком душевном кризисе.

Насыри сокрушался, что на пожаре 1885 года сгорело 2 тыс. листов черновых записей¹.

Чтобы как-то вылечить душевные раны и выйти из депрессии, он поехал в родную деревню. Кажется, деревенский воздух и питание, жизнь в окружении и заботе близких людей, общение с родственниками и односельчанами способствовали улучшению его здоровья. Через три месяца он вернулся в Казань и полгода проживал в доме двоюродного брата Мухаммадбадиг (Бадиг) муадзина. В 1887 году он проживал во вновь отстроенном после пожара доме купца Гайсы Мусина. Известно, что в 1890–1891 гг. примерно 12 месяцев просветитель жил на пересечении улиц Евангелической и Технической, в доме некоего Хасана из деревни Чуваши иле; его дом находился напротив весов взвешивания сена. В зиму 1891–1892 гг. арендовал жилье в усадьбе Камали Суленгера (прозвище), расположенной в начале улицы Захарьевской. Осенью 1892 г., когда ему исполнилось 67 лет, Насыри вновь переехал в дом Бадиг муадзина².

Приглашение и расселение в своем доме престарелого одинокого двоюродного брата, очевидно, было осознанным решением муадзина, который, помимо родственных чувств и долга, высоко ценил просветительскую деятельность К. Насыри.

Переезд Насыри из последнего своего пристанища на новое место жительства произошел случайно. Купец Сулейман Аитов, который в детстве обучался у просветителя русскому языку, попросил своего бывшего наставника подготовить сына для поступления в среднее учебное заведение.

Насыри устроили предложенные близкого себе по духу купца материальные условия. Для удобства проведения занятий, с тем чтобы дети не приходили гурьбой в дом, где проживал учитель, и избавить педагога преклонного возраста от каждодневного посещения дома купца для проведения уроков, заботливый отец пред-

¹ Гали М. Каюм Насыриның кулъязма мирасы // Каюм Насыри. 1825–1945. Тууына 120 ел тулуга багышланган гыйльми сессия материаллары / жаваплы редактор Ш. А. Рамазанов. Казан : Татгосиздат, 1948. Б. 120.

² Рәхим Г. Каюм Насыриның тәржемәи хәле // Рухи мирас: эзләнүләр һәм табышлар = Духовное наследие: поиски и открытия / редкол.: И. Г. Гомаров (проект жит. һәм жавап. мөх.), З. З. Рәмиев, А. М. Ахунов; төзүчеләр : Л. Ш. Гарипова, Г. М. Ханнанова. Казан : ТӘҺСИ, 2020. Б. 50.

ложил Насыри переселиться в небольшой деревянный дом во дворе своей усадьбы, расположенной на Екатерининской улице (совр. ул. Тукая, позже на этом месте была построена «Школа Аитовой»)¹.

Полагаем, что этот небольшой домик с двумя комнатами, куда Насыри заселился осенью 1893 г. и проживал на безвозмездной основе (отопление и питание – за счет проживающего), был построен для размещения служебного персонала хозяйства купца. Однако в какой-то момент купец нанял другого репетитора, и Насыри, прекратив обучение, вновь вернулся в дом Бадиг муадзина², где вновь занимал с 1899 по 1902 г. две комнаты на первом этаже двухэтажного деревянного дома³.

Большую часть времени он проводил за подготовкой научных и популярных материалов. За столом Насыри работал очень опрятно и аккуратно. При написании текстов на татарском языке на арабице пользовался гусиным пером, для русских текстов на кириллице – железным пером. Первый, черновой вариант своих текстов, он писал для того, чтобы затем можно было их исправлять и дополнять, оставляя с края широкую чистую полосу. Когда переписывал набело, строки выводил практически до края листа, писал и на оборотной стороне и затем сам же переплетал рукопись. Эти переплетенные книжки давал для переписывания своим ученикам, используя их в качестве учебников⁴.

С открытием навигации на Волге Насыри каждый год на пароходе выезжал в родную деревню. Также несколько раз приезжал летом. Особенно любил кататься на лошадях, его брат Габделкави, как правило, присылал ему пару

лошадей, или же Насыри сам заказывал повозку для поездки в Малые Ширданы⁵.

Согласно воспоминаниям, Каюм Насыри – среднего роста, худощавый, непривлекательный мужчина с большой головой, немного шершавым лицом, большими ушами и носом, с коротко постриженной, по-татарски, редкой аккуратной бордой коричневого цвета⁶.

На улице показывался в ичиге-кавеше, сшитом из кожи, ходил в «русских брюках» из сукна синего цвета, штанины которого доходили до лица «кавеша», летом надевал казаки с серебряными пуговицами и сшитый по старинному фасону без воротника голубой чикмен, зимой – дорогой тулуп, сшитый из кусков меха нижней, горловой части шеи животных, или дорожную шубу, зимой и летом на голове носил «камчат бүрек» (матерчатую шапку с широким меховым околышем из меха бобра и плоским верхом) шириной в 17–18 см. По городу всегда передвигался пешком: летом – с зонтиком в руках, в зимнее время – с короткой палкой, ходил не торопясь, даже медленно, держа туловище прямо⁷.

Был немногословным, говорил негромко и не торопясь. Современники запомнили его скромным, редко улыбавшимся и смеявшимся человеком, разговаривавшим с окружающими на равных.

Просветитель не посещал мечеть, вместо этого пятикратный намаз исполнял дома. Приходившие к нему люди обращали внимание на наличие в комнате молитвенных ковриков и чалмы.

Он не употреблял спиртные напитки, однако курил папиросы, иногда баловался сигарами. Порой приходящие к нему в гости татары заставляли Насыри за этим занятием. В общественных местах, а также при учениках никогда не демонстрировал свою вредную привычку.

Когда приходил за покупками на базар или ходил по улицам, Насыри старался не заводить разговор с прохожими и знакомыми: если к нему обращались с вопросом, то приглашал для общения в свою квартиру⁸. Его односельчанин-извозчик

¹ Сөләйман Аитов. [Истәлек] // Каюм Насыри: Өдәби-тарихи һәм документаль-биографик җыентык / төз. Р. Ф. Исламов. Казан, 2017. Б. 451–452.

² Рәхим Г. Каюм Насыринның тәрҗемәи хәле // Руhi мирас: эзләнүләр һәм табышлар = Духовное наследие: поиски и открытия / редкол.: И. Г. Гомәров (проект жит. һәм жавап. мөх.), З. З. Рәмиев, А. М. Ахунов; төзүчеләр: Л. Ш. Гарипова, Г. М. Ханнанова. Казан: ТӘҺСИ, 2020. Б. 49, 50, 52.

³ Исламов Р. Каюм Насыри һәм аны өйрәнү // Каюм Насыри: Өдәби-тарихи һәм документаль-биографик җыентык / төз. Р. Ф. Исламов. Казан: Жыен, 2017. Б. 13.

⁴ Рәхим Г. Каюм Насыринның тәрҗемәи хәле // Руhi мирас: эзләнүләр һәм табышлар = Духовное наследие: поиски и открытия / редкол.: И. Г. Гомәров (проект жит. һәм жавап. мөх.), З. З. Рәмиев, А. М. Ахунов; төзүчеләр: Л. Ш. Гарипова, Г. М. Ханнанова. Казан: ТӘҺСИ, 2020. Б. 80.

⁵ Там же. Б. 60–61.

⁶ Габдулла бине Тажетдин әл-Кәчимири. Габделкаюм ән-Насыри // Каюм Насыри: Өдәби-тарихи һәм документаль-биографик җыентык. Казан, 2017. Б. 493.

⁷ Мөхәммәтхәнәфи Мозаффар. Габделкаюм Насыри әфәнде хакында // Каюм Насыри: Өдәби-тарихи һәм документаль-биографик җыентык. Казан, 2017. Б. 483–484.

⁸ Мөхәммәтхәнәфи Мозаффар. Указ. соч. С. 484.

в своих воспоминаниях приводит такой случай. Передвигаясь по городу на сани, по неосторожности, не заметив пешехода, он задел оглоблей Каюма, который упал, затем встал, страхнул с пальто снег и со словами «глупцы» продолжил свой путь, не стал вызывать полицию для наказания нарушителя дорожного движения¹.

В 1870-е годы на отчужденное отношение к себе группы казанцев Насыри отвечал зеркально, даже сочинил байт под названием «Джиен», где критиковал и раскрывал тайные происки и темные дела мулл, богачей, дворников, хозяйственных работников, работников пекарен и т. д.² Дома, когда заводил разговор о неприятных для себя личностях, как правило, ими оказывались муллы, любил остро насмеяться над ними³.

Он не любил меджлисы, если приходил, то не включался в застольные разговоры, сидел тихо⁴. При хорошем настроении на меджлисах читал стихотворения.

Современники заметили, что он сторонится женского общества. Современники приводят его слова о том, что «пусть Аллах бережет от женской хитрости», «если человек хочет провести свою жизнь в разных бунтах и занятиях, то пусть женится»⁵.

Просветитель понимал толк в лечебных свойствах растений, увлеченно рассказывал о них⁶. Насыри любил заниматься различными ремеслами. В квартире имелись столярный станок и столярные инструменты, он сам изготавливал мебель и другую домашнюю утварь⁷. Он в совершенстве освоил такие ремесла, как переплетение книг, плетение лаптей, изготовление свеч, лаков, крахмала, зеркал, покрытие при помощи электричества серебром железных предметов, кулинарным искусством, также умел изготавливать циркуль и солнечные часы и т. д.

Насыри любил слушать музыку и не видел в музыке какого-либо религиозного «вето» для мусульман. Умел играть на нескольких инстру-

ментах. Современники отмечали висевшие на стене его квартиры скрипку и балалайку, однако не слышали его игру. Он любил играть на курае, который сам изготавливал из дерева, приобретенного на городском базаре Ташаяк, искусно выводил мелодию на кубызе, которую также сам и изготавливал. Кубызы мастера-самоучки выделялись необычно большим размером – до 10–14 см в длину⁸.

В конце 1870-х гг. Насыри представляется вполне респектабельным мужчиной, следившим за своим внешним видом, носящим дорогую одежду, в которой перемешались европейский и традиционный стили и пошивы, летом передвигавшимся по улицам Казани на европейский манер с зонтиком в руках; личностью, очень дорожившей своим временем и старавшейся не отвлекаться на бытовые проблемы и повседневную суету; ученым кабинетного типа, не стремившимся к активному общению и даже избегавшим общественных мероприятий мусульман татарских слобод города.

Здесь также следует учитывать, что в 1859 и 1864 гг. Насыри ездил в Москву, несколько раз посещал Нижегородскую ярмарку, около 20 лет проработал преподавателем в российской образовательной системе. Со времени обучения в медресе он был приучен к самостоятельности и, ведя холостяцкий образ жизни, умел заботиться о себе.

Воспоминания современников середины 1890-х гг. позволяют заметить разительные перемены в одежде Насыри. К 60 годам, видимо, вследствие ограничения контактов с внешним миром, холостяцкого образа жизни и постоянной занятости Насыри недостаточно уделял внимание своему внешнему облику. В середине 1890-х гг. на базаре он появлялся в старомодном широком «жилане» (национальная одежда, утепленное пальто), по-прежнему на голове носил «камчат буре́к», на ноги надевал «читек-кэвеш», однако исчезли «русские брюки» и зонтик в руках⁹. Будучи в 1860–1870-е гг.

¹ Каюм Насыри турында истәлекләр // Каюм Насыри. 1825–1945. Тууына 120 ел тулуга багышланган гыйльми сессия материаллары. Казан, 1948. Б. 137.

² Габдулла бине Тажетдин әл-Кәчимири. Указ. соч. С. 494.

³ Мөхәммәтхәнәфи Мозаффар. Указ. соч. С. 484.

⁴ Габдулла бине Тажетдин әл-Кәчимири. Указ. соч. С. 493.

⁵ Мөхәммәтхәнәфи Мозаффар. Указ. соч. С. 484.

⁶ Габдулла бине Тажетдин әл-Кәчимири. Указ. соч. С. 493.

⁷ Гарифуллa ибне Гали Чокрый. Габделкаюм ән-Насыри // Каюм Насыри: Әдәби-тарихи һәм документаль биографик жыентык. Казан, 2017. Б. 480.

⁸ Рәхим Г. Каюм Насыриның тәржемәи хәле // Рухи мирас: эзләнүләр һәм табышлар = Духовное наследие: поиски и открытия / редкол.: И. Г. Гомәров (проект жит. һәм жавап. мөх.), З. З. Рәмиев, А. М. Ахунов; төзүчеләр: Л. Ш. Гарипова, Г. М. Ханнанова. Казан: ТӘҺСИ, 2020. Б. 57, 58, 60–61.

⁹ Исхаков М. Г. Габделкаюм Насыри // Исхаков М. Г. Әсәрләр: 15 т. 12 т.: Публицистика [томны төз., текст. иск. һәм аңлат. әзәрл. Зөфәр Мөхәммәтшин]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2012. Б. 161.

пропагандистом европейской одежды в татарских слободах, в преклонном возрасте стал придерживаться консервативных взглядов. В 1898 году критиковал мусульман Казани за увлечение европейской модой¹.

В этой связи следует отметить новые направления в творчестве просветителя. В 1883–1886 годы Насыри занимался составлением словаря-конкорданса Корана [1, с. 65]. В 1887 году совместно с младшим братом Габделькавием им был издан, главным образом по сохранившимся текстам своего отца Габденнасыра, сборник проповедей для мулл на арабском языке. Насыри также в домашних условиях обучал мальчиков арабскому языку. Как результат своей педагогической практики, языковед опубликовал в 1896 г. учебник по морфологии и синтаксису арабского языка, адресованный шакирдам, в значительной степени освоившим язык Корана, и т. д.

В середине 1870-х г. свою жизненную философию и источник своей духовной энергии и силы, позволившие ему успешно противостоять множествам словесным нападкам мусульманского духовенства и пережить душевные страдания по поводу несправедливых обвинений на учительской стезе, Насыри объяснял западной научной терминологией, приводя в пример подвиги и злоключения первопроходцев из истории Западной Европы (Колумб, Гутенберг)².

Полагаем, что в 1880-е и последующие годы в просветительской идеологии Насыри появились новые смыслы, связанные в том числе с религиозным мировосприятием своего предназначения. Об этом наглядно свидетельствуют воспоминания шакирда медресе Приозерное Насреддина Худжаши, посетившего его квартиру 9 января 1902 г. Шакирд поразился тому, как и с каким большим усилием и силой воли просветитель занимается написанием трудов: потерявший зрение Насыри, сидя на старом диване, напрягая шею и наклонившись левой щекой до поверхности стола и приблизив единственный здоровый глаз к самому острию пера, медленно и старательно выводил буквы. Не удержавшись, шакирд задал просветителю вопрос: «Почему

продолжаете заниматься писанием, несмотря на старость и слабость зрения?». Ответ Насыри представителю молодого поколения татар является выражением жизненной философии просветителя последних десятилетий жизни: «Я призван Аллахом писать книги, боюсь: если перестану трудиться, это может быть воспринято как невыполнение повеления Всевышнего»³. Именно так определял Насыри свою миссию в этом мире.

Понимание своей миссии в этом тленном мире проявлялось во всем, в том числе в социальном поведении и в домашней одежде просветителя. Так, например, в середине 1890-х гг. группу шакирдов медресе Приозерное хозяин дома встретил в коротком казакине и в тапочках, надетых на голую ногу⁴. Главный редактор османской газеты «Икьдам» в 1894–1928 гг. Ахмат Джаудат Оран, прибыв в 1896 г. в Казань, пришел в квартиру просветителя вместе с Гульнар ханум (Ольгой Сергеевной Лебедевой). Хозяин дома их также встретил босиком⁵. В 1901 году М. Укмаси следующим образом описал домашнюю одежду увлеченного работой 75-летнего Насыри: на ногах – ичиги, на худощавом теле – длинная белая рубаха, не заправленная в брюки с довольно короткой штаниной, поверх рубахи – не застегнутый в пуговицы камзол, на голове – бархатный каляпуш⁶.

Однако подобное описание современниками жизни Насыри начиная с середины 1890-х годов требует ряда пояснений и уточнений.

Как было рассмотрено, в 1893–1899 гг. Насыри временно, в период обучения сына купца С. Аитова и его сверстников, проживал в тесном помещении, состоящем из двух небольших комнат и построенном для хозяйственного работника усадьбы казанского купца. У молодых людей, приходивших в гости, складывалось впечатление

³ Насретдин эл-Хужаши. Мөхтәрәм Габделкаюм Насыри белән мосахәбә (Хатирә дәфтәрәннән) // Каюм Насыри: Әдәби-тарихи һәм документаль-биографик җыентык. Казан, 2017. Б. 470, 471.

⁴ Исхаков М. Г. Габделкаюм Насыри // Исхаков М. Г. Әсәрләр : 15 т. 12 т.: Публицистика [томны төз., текст. иск. һәм аңлат. әзерл. Зөфәр Мөхәммәтшин]. Казан : Татар. кит. нәшр., 2012. Б. 163.

⁵ Там же. Б. 164–165.

⁶ Миргазиз Укмаси. Каюм абый Насыри // Каюм Насыри: Әдәби-тарихи һәм документаль-биографик җыентык. Казан, 2017. Б. 512.

¹ Нуреддин Ишаев. Габделкаюм Насыри хақында // Каюм Насыри: Әдәби-тарихи һәм документаль-биографик җыентык. Казан, 2017. Б. 459.

² Насыри К. Открытие в Казани первой русско-татарской школы для детей мусульман // Насыри К. Избранные произведения. Казань, 1977. С. 79.

о бедственном положении и стесненных жизненных условиях просветителя.

На одной из стен небольшой комнаты были прибиты книжные полки, заполненные множеством книг¹.

В 1899–1902 годах на первом этаже дома Бадиг муадзина Насыри занимал две большие комнаты. Для одинокого человека, имевшего личную библиотеку, состоящую из множества книг и рукописей, столлярные инструменты, а также другие необычные для повседневной жизни обывателя предметы, этого помещения, безусловно, должно было хватать. Первая комната у входа служила кухней, где на керосинке готовилась еда. Во второй комнате, где работал Насыри, на стенах висели карты. Из мебели имелись два небольших стола, несколько стульев и шкаф. Верхняя часть шкафа была завалена рукописями и книгами, а нижняя часть – различными инструментами (клещи, молоток), железной проволокой, картоном, сосудами для проведения химических экспериментов. Рядом со шкафом располагался один из столов, заваленных без всякого порядка книгами на татарском, персидском, арабском и русском языках, газетами и журналами, картинами, увеличительными лупами, силомером, глобусами и т. д. Подоконник также выполнял функции полки, где размещались: спиртовая лампа, трехножка, небольшой деревянный ящик, пакеты, заполненные различными камнями, купоросом и другими элементами для проведения химических опытов². Рядом со вторым письменным столом, за которым работал Насыри, находился старый диван³.

Неприхотливый в быту, Насыри не нуждался в больших апартаментах. Последнее свое пристанище он ценил, по крайней мере, по двум причинам. Прежде всего, здесь просветитель имел возможность для занятий любимым делом: никто его не упрекал и не контролировал как квартиросъемщика. Во-вторых, преклонного возраста одинокий человек чрезвычайно дорожил возможностью общения со своим родствен-

ником, который глубоко уважал просветителя и потакал всем его просьбам. Благодаря этому обстоятельству после непродолжительной счастливой семейной жизни в 1865–1866 гг. Насыри второй раз оказался в комфортной среде обитания.

Одна из форм такого близкого душевного общения заключалась в совместных трапезах. Насыри, будучи искусным поваром, культивировал здоровую пищу. Когда он лично готовил плов или «шэкерт салмасы» (ученическая салма, блюдо с мясом), или «куллама» (для этого блюда нужно было замесить крутое тесто, блюдо с говядиной), то стучал по потолку кочергой, что являлось условным сигналом приглашения мужской части семейства Бадиг муадзина на совместную трапезу⁴.

И наоборот, когда супруга Бадиг муадзина готовила в печи национальные мучные блюда и другие вкусные яства, по поручению отца маленький Ахмад по-соседски приносил их Насыри. Иначе говоря, Насыри постоянно угощали домашними блюдами, что, несомненно, создавало чувство домашнего уюта и комфорта.

В общении с сыном Бадиг муадзина Насыри находил выход своим нереализованным родительским чувствам, что было очень важно в психологическом плане. Почувствовав открытость Насыри, мальчик сам без всяких причин навещался к родному дяде, который угощал его конфетами, подарил на память небольшой по размеру глобус, давал смотреть иллюстрированные русские журналы («Нива» и др.), через увеличительное стекло («панораму») показывал различные картины и научил мальчика читать по-русски. В последние годы жизни Насыри увлекался изготовлением разноцветных свечей, сам же готовил краски для этого⁵, мальчик внимательно наблюдал за этим и за другими необычными занятиями своего дяди. Таким образом, в доме Бадиг муадзина престарелый Насыри нашел ту родную домашнюю среду, о которой мечтал многие годы.

К. Насыри занимал две комнаты первого этажа деревянного дома, на второй части первого этажа проживала дочь муадзина с семьей, на втором этаже размещался хозяин усадьбы с семьей. Усадебный комплекс Бадиг муадзина,

¹ Исхаков М. Г. Габделкаюм Насыри // Исхаков М. Г. Эсэрләр : 15 т. 12 т.: Публицистика [томны төз., текст. иск. һәм аңлат. эзерл. Зөфәр Мөхәммәтшин]. Казан : Татар. кит. нәшр., 2012. Б. 161.

² Әхмәт Хөсәенов. Каюм Насыри турында кайбер истәлекләр // Каюм Насыри: Әдәби-тарихи һәм документаль-биографик җыентык. Казан, 2017. Б. 504.

³ Насретдин әл-Хужаши. Указ. соч. С. 470.

⁴ Әхмәт Хөсәенов. Указ. соч. С. 505.

⁵ Әхмәт Хөсәенов. Указ. соч. С. 504.

окруженный высоким забором, помимо двухэтажного жилого дома, входили: построенный из бревен летний домик, клеть, другие хозяйственные постройки (без конюшни) и достаточно большой по площади приусадебный фруктовый сад (на месте современной школы № 80 г. Казани) с беседкой, украшенной ажурным орнаментом¹.

Сын Бадиг муадзина Ахмад Хусаинов, который в течение нескольких лет близко общался с Насыри, сам того не ведая, описывает счастливого одинокого старца, любящего жизнь и природу во всех проявлениях. По его записям получается, что Насыри искренне любил природу, умело пользовался ее дарами, в зимнее и весеннее время во дворе дома чуть ли не каждый день кормил птичек. Летом любимым занятием просветителя было чаепитие в саду, он сидел на зеленой траве, наслаждаясь природой и пением птиц. В конце 1890-х гг. в весеннее и летнее время Насыри имел привычку вместе Бадиг муадзином, прихватив самовар, выезжать на повозке в Арское поле, где он собирал лечебные растения, наслаждался природой, или в приподнятом настроении братья организовывали чайную трапезу с раннего утра, до пробуждения горожан, на берегу Гнилого озера. Летом они купались на речке².

В сложных и критических ситуациях для своего здоровья в преклонном возрасте Насыри принципиально не обращался к врачам и аптекарям, отказывался употреблять сделанные химическим путем лекарства. Занимался лечебной гимнастикой, принимал настойки целебных трав для профилактики или при болезни³.

¹ Хәснәтдинова Р. Андылар сирәк очрый // Казан утлары. 1998. № 4. Б. 143.

² Әхмәт Хәсәнов. Указ. соч. С. 506, 507, 508.

³ Рәхим Г. Каюм Насыриның тәржемәи хәле // Рухи мирас: эзләнүләр һәм табышлар = Духовное наследие: поиски и открытия / редкол.: И. Г. Гомаров (проект жит. һәм жавап. мөх.), З. З. Рәмиев, А. М. Ахунов; төзүчеләр: Л. Ш. Гарипова, Г. М. Ханнанова. Казан: ТӘҺСИ, 2020. Б. 60–61.

Заключение

Негативные эмоции от бытовых условий жизни просветителя у молодых людей, приходивших к Насыри как к великой личности, возникали вследствие нескольких факторов.

Рабочий график у Насыри был строго регламентирован: помимо пятикратного намаза, приготовления и приема пищи, исследовательской работы и написания текстов, непременно отводилось время для занятий физическим трудом, что сводилось главным образом к столярному делу, а также различным другим работам по интересам.

Важно отметить, что поддержание в надлежащем виде комнат и качество влажной уборки помещения мальчиком-службой оставляло желать лучшего.

Отсутствие отдельного помещения для столярных дел чрезвычайно осложняло поддержание чистоты в квартире, особенно если учесть, что во время столярных работ бывший у Насыри службой мальчик уходил и производил уборку помещения только на следующий день утром (этим стружками зажигал печку). Посетители, приходившие к Насыри в последние годы его жизни, невольно обращали внимание на валявшиеся на полу топор, стамеску, рубанок и другие столярные инструменты и куски деревянных брусков. Такой беспорядок в комнате хозяин объяснял затрудненностью нахождения инструментов в случае их уборки прислуживающим мальчиком⁴.

На этом фоне рабочую обстановку в доме просветителя, занимавшегося составлением текстов и одновременно работавшего, вычитывая сразу несколько книг и рукописей, которые были нагромождены на небольшом письменном столе, приходившие в гости молодые люди также описывали как беспорядок.

⁴ Насретдин әл-Хужаши. Указ. соч. С. 470.

1. Хайрутдинов А. Г. «Мифтах аль-Кур'ан» Каюма Насыри: первый в мусульманском мире конкарданс Корана // Ислам в современном мире. 2016. Т. 12. № 1. С. 57–76. DOI: <https://doi.org/10.20536/2074-1529-2016-12-1-57-76>

2. Гайнуллин М. Х. Каюм Насыри: его научная, литературная и просветительная деятельность: к 120-летию со дня рождения / отв. ред. В. Горохов. Казань: Татаргосиздат, 1948. 84 с.

3. Гайнуллин М. Х. Каюм Насыри: очерк жизни и творчества: к 150-летию со дня рождения / ред.: Л. К. Мухарямов, Ф. В. Ахметова. Казань: Татар. кн. изд-во, 1975. 48 с.

4. Гайнуллин М. Х. Каюм Насыри и просветительское движение среди татар. Казань: Таткнигоиздат, 1955. 96 с.

5. Гайнуллин М. Х. Каюм Насыров в документах // Каюм Насыри: 1825–1945: (Материалы научных сессий, посвященных 120-летию со дня рождения) / отв. ред. Н. И. Воробьев. Казань: Татаргосиздат, 1948. С. 116–128.

6. Гайнуллин М. Видный татарский ученый и писатель // Выдающийся просветитель-демократ Каюм Насыри / отв. ред. Я. Г. Абдуллин. Казань : ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1976. С. 23–33.
7. Ханбиков Я. И. Из истории педагогической мысли татарского народа. Казань : Татар. кн. издательство, 1967. 232 с.
8. Хабибуллина Д. А. Деятельность Каюма Насыри в православных религиозных учебных заведениях // Эхо веков. 2023. № 1. С. 34–43. URL: www.elibrary.ru/item.asp?id=54951567 (дата обращения 06.01.2025).

Статья поступила в редакцию 05.03.2025; одобрена после рецензирования 07.04.2025; принята к публикации 07.05.2025.

Об авторе

Загидуллин Ильдус Котдусович

доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Центр исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан (420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. Баумана, д. 20), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0501-2177>, zagik63@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Hairutdinov A. G. “Miftakh al'-Kur'an” Kayuma Nasyri: pervyi v musul'manskom mire konkardans Korana [“Miftah al-Qur'an” by Kayum Nasyri: the First Qur'an Concordance in the Muslim World]. *Islam v sovremennom mire* = Islam in the Modern World, 2016, vol. 12, no. 1, pp. 57–76. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20536/2074-1529-2016-12-1-57-76>
2. Gainullin M. Kh. Kayum Nasyri: ego nauchnaya, literaturnaya i prosvetitel'naya deyatel'nost': k 120-letiyu so dnya rozhdeniya [Kayum Nasyri: His Scientific, Literary and Educational Activities: To the 120th Anniversary of His Birth]. Ed. V. Gorokhov, Kazan', Tatgosizdat Publ., 1948, 84 p. (In Russ.).
3. Gainullin M. Kh. Kayum Nasyri: ocherk zhizni i tvorchestva: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya [Kayum Nasyri: An Essay on Life and Work: To the 150th Anniversary of His Birth]. Ed. L. K. Mukharyamov, F. V. Akhmetova, Kazan', Tatar. kn. izd-vo Publ., 1975, 48 p. (In Russ.).
4. Gainullin M. Kh. Kayum Nasyri i prosvetitel'skoe dvizhenie sredi tatar [Kayum Nasyri and the enlightenment movement among the Tatars]. Kazan', Tatknigoizdat Publ., 1955, 96 p. (In Russ.).
5. Gainullin M. Kh. Kayum Nasyrov v dokumentakh [Kayum Nasyrov in the documents]. *Kayum Nasyri: 1825–1945: (Materialy nauchnykh sessii, posvyashchennykh 120-letiyu so dnya rozhdeniya)* = Kayum Nasyri: 1825–1945: (Materials of scientific sessions dedicated to the 120th anniversary of his birth). Ed. N. I. Vorobev. Kazan', Tatgosizdat Publ., 1948, pp. 116–128. (In Russ.).
6. Gainullin M. Vidnyi tatarskii uchenyi i pisatel' [A prominent Tatar scientist and writer]. *Vydayushchiysya prosvetitel'-demokrat Kayum Nasyri* = The outstanding educator is the Democrat Kayum Nasyri. Ed. Ya. G. Abdullin. Kazan', IYALI im. G. Ibragimova KFAN SSSR Publ., 1976, pp. 23–33. (In Russ.).
7. Khanbikov Ya. I. Iz istorii pedagogicheskoi mysli tatarskogo naroda [From the history of pedagogical thought of the Tatar people]. Kazan', Tatar. kn. izdatel'stvo Publ., 1967, 232 p. (In Russ.).
8. Khabibullina D. A. Deyatel'nost' Kayuma Nasyri v pravoslavnykh religioznykh uchebnykh zavedeniyakh [Qayum Nasyri's Activities in Orthodox Religious Educational Institutions]. *Ekho vekov* = Echoes of centuries, 2023, no 1, pp. 34–43. Available at: www.elibrary.ru/item.asp?id=54951567 (accessed 06.01.2025). (In Russ.).

The article was submitted 05.03.2025; approved after reviewing 07.04.2025; accepted for publication 07.05.2025.

About the author

Ildus K. Zagidullin

Dr. Sci. (History), Associate Professor, Senior Researcher, Center for Islamic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (20 Baumana St., Kazan 420111, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0501-2177>, zagik63@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript